

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ АРКАН

КОТЛОВА ОЛЬГА

Ольга Которова

Двадцать второй аркан

<https://litres.ru/74202499>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Москве происходит серия загадочных убийств. Возле каждой жертвы находят старинную карту Таро.

Оперативник Ярослав Макеев не верит в мистику, но обычные методы расследования не помогают. Тогда он обращается к сестре Веронике — хозяйке антикварной лавки, способной чувствовать прошлое вещей и видеть то, что скрыто от других.

След приводит их в закрытый клуб «Двадцать второй аркан», где много лет хранят тайну исчезнувшей колоды. Семнадцать лет назад ее нашли во время незаконных раскопок, закончившихся гибелью женщины. Теперь участники той ночи умирают один за другим.

Чтобы остановить смертельный круг, Нике придется понять, почему именно ей достался Шут — аркан, способный открыть Порог или навсегда его закрыть.

Содержание

Часть первая. Карты мертвых	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Которова

Двадцать второй аркан

Часть первая. Карты мертвых

Четыре месяца назад

С самого утра Виктора не покидало тревожное предчувствие. На работе он сидел как на иголках, то и дело поглядывал на телефон и вздрагивал от резких звуков. К вечеру непогода усилила боль в суставах, и по дороге домой ему пришлось заехать в аптеку за мазью и обезболивающим.

Подъехав к дому, Виктор с облегчением заметил свободное парковочное место. Заглушил двигатель, подхватил кожаный портфель и выбрался из машины. Щелкнул брелок, мигнули фары — и он почти бегом бросился к подъезду, прикрывая голову от дождя.

Заперев за собой дверь квартиры, Виктор наконец выдохнул. Теперь он дома. Осталось принять горячую ванну и поужинать: домработница оставила еду в духовке.

Сняв верхнюю одежду, Виктор направился в кабинет, чтобы убрать важные документы в сейф. Но едва распахнул дверь и включил свет, как замер на пороге. На краю письменного стола сидел незнакомец и молча смотрел на него.

Незнакомец был выше Реутова почти на голову. Подня-

тый воротник кожаной куртки, козырек кепки был низко надвинут на лоб, а крупные очки-авиаторы закрывали половину лица.

— Кто вы? — выдохнул мужчина, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна страха.

— Привет из прошлого, — негромко произнес незнакомец. Голос показался Виктору знакомым. Если бы только удалось разглядеть лицо.

— Как вы попали в квартиру и что вам нужно? — Голос Реутова сорвался на писк.

— До меня дошел слух, что ты собираешься признаться в том, что случилось семнадцать лет назад, — негромко произнес незнакомец. Реутов побледнел и сделал шаг назад. Незнакомец медленно поднялся со стола, подошел и остановился лицом к лицу с хозяином квартиры.

— Я должен, — прошептал Виктор. — Я не могу больше с этим жить. Хочу наконец облегчить душу.

Незнакомец рассмеялся.

— А ты не подумал, что своим признанием погубишь несколько жизней?

— Что? Я не... — Реутов замотал головой.

— С кем ты об этом говорил? Кто еще согласился признаться? И где дневник?

— Какой дневник? — На мгновение на лице Виктора промелькнуло недоумение, тут же сменившееся пониманием.

— Вижу, ты понял, о каком дневнике речь. — Губы незна-

комца растянулись в улыбке.

— Я его не брал. Он не у меня. Клянусь, не у меня.

— Врешь! — Незнакомец схватил Реутова за грудки, развернул спиной к двери и толкнул вперед. — Мне нужен этот дневник!

В глазах незнакомца вспыхнула такая ярость, что Виктор понял: какой бы ответ он ни дал, живым его сегодня не отпустят.

— Я правда не знаю, — пролепетал Реутов, задрожав всем телом.

— Ты кому-то его отдал, да? Незнакомец толкнул Виктора. Тот не удержался на ногах и, падая, ударился головой об угол стола. Перед глазами мгновенно сгустилась темнота.

Незнакомец застыл, не сразу осознав, что произошло. Несколько минут он ждал, что Реутов очнется, но тот не подавал признаков жизни. Тогда мужчина присел рядом и попытался нащупать пульс. Не смог.

Резко поднявшись, незнакомец огляделся. Если дневник и находился у Реутова, то наверняка в кабинете — самом защищенном помещении квартиры. Почти час мужчина выдвигал ящики, перебирал бумаги и снимал с полок книги, но так ничего и не нашел. Заглянул даже в сейф, открыв его пальцем Реутова. Затем покинул квартиру, умело избежав камер видеонаблюдения.

Стоило незнакомцу уйти, как тяжелая железная дверь кабинета, больше похожая на створку банковского сейфа, мед-

ленно закрылась. Замок щелкнул, отрезая Виктора от всего мира. В его ладони начала проступать карта Отшельника. Через несколько секунд Реутов пришел в себя. Он звал на помощь, но никто его не услышал. Потеряв слишком много крови, Виктор умер в запертом кабинете, так и не дождавшись помощи.

Настоящее время

Осень в Москве в этом году выдалась непривычно дождливой. Вода с самого утра стекала по витрине лавки, размывая отражения фонарей и редких прохожих. Внутри пахло старой бумагой, воском и деревом.

Ника посмотрела на большие настенные часы в потемневшей металлической оправе. Стрелки показывали половину восьмого. До закрытия оставалось полчаса.

Лавка досталась Нике от бабушки. С улицы она могла показаться одним из сотен московских антикварных магазинчиков, но на ее полках соседствовали обычные старинные вещи и предметы, к которым лучше было не прикасаться без разрешения хозяйки. Серебряные подсвечники, потемневшие медальоны, резные шкатулки, древние монеты — большинство из них Ника покупала у коллекционеров или находила на раскопках.

По образованию Ника была археологом и хорошо разбиралась в оценке и реставрации старинных вещей. Однако

главным наследством бабушки стал не магазин и даже не семейная колода Таро, а дар чувствовать прошлое предметов и угадывать то, что еще только должно произойти. Правда, способности Ники были значительно слабее бабушкиных, и пользовалась она ими неохотно.

Устало выдохнув, девушка открыла резную шкатулку, достала колоду и несколько раз перетасовала карты. Затем сняла верхнюю карту.

— Колесо Фортуны. Любопытно, — прошептала Ника.

Следующей картой оказался Рыцарь Жезлов.

— Неожиданный гость, который принесет перемены. Только этого мне и не хватало.

Едва последние слова сорвались с ее губ, над дверью звякнул колокольчик. Ника вскинула голову. На пороге стоял молодой мужчина. Он стряхнул капли дождя с кожаной куртки и, заметив хозяйку лавки, лукаво улыбнулся.

— Интересно, что понадобилось правоохранительным органам в моей скромной лавке? — спросила Ника, собирая карты и убирая колоду обратно в шкатулку.

— Привет, сестрица. И я рад тебя видеть.

— Здравствуй, Яр.

Ника вышла из-за прилавка и обняла брата. Капли, оставшиеся на его куртке, быстро впитались в тонкую ткань ее кофты, но она все равно прижалась к нему крепче.

— Как твои дела? — спросил Ярослав, отступая от сестры.

— Все хорошо. Ужинать будешь?

— Не отказался бы, но ты вроде еще работаешь.

— Могу сегодня закрыться пораньше. Все равно посетителей нет.

Ярослав не возражал. Из-за его работы они виделись редко и в основном ограничивались короткими телефонными разговорами.

Однокомнатная квартира Ники находилась на втором этаже, прямо над лавкой. Проверив, все ли выключено, девушка поставила магазин на сигнализацию и заперла дверь. Через внутренний двор они с Ярославом прошли к подъезду и поднялись наверх. И квартира, и лавка достались Нике от бабушки. Ярослав же жил в родительской квартире в районе Третьего транспортного кольца.

Разогрев пасту с морепродуктами и нарезав салат из свежих овощей, они устроились на небольшой кухне.

— Чего у тебя не отнять, так это умения готовить. Тебе бы свой ресторан открыть, а не торговать старьем, — заявил Ярослав, наматывая спагетти на вилку.

— Ты ведь пришел ко мне не просто так? — спросила Ника.

Этот вопрос мучил ее с того момента, как карты пообещали гостя, способного принести в ее жизнь перемены.

— А я и забыл, что ты у нас гадалка, — поддел сестру Ярослав.

— Еще слово — отберу макароны и выставлю тебя за дверь.

— Прости. Вообще-то да, мне нужна твоя помощь.

Он вытер губы салфеткой, достал из кармана джинсов телефон, открыл галерею и протянул смартфон сестре.

— Посмотри на эту карту. Что скажешь? Это вроде по твоей части.

Отложив вилку, Ника взяла телефон и внимательно всмотрелась в фотографию. Карта была старой: пожелтевший картон, потертые края, выцветший рисунок. Она долго молчала, и Ярослав уже решил, что сестра ничего не скажет, когда Ника подняла на него глаза.

— Человека, у которого нашли эту карту, обнаружили одного в запертой комнате?

Ярослав мгновенно напрягся.

— Откуда ты знаешь?

— Отшельник, — спокойно ответила Ника, словно это все объясняло.

— Я вижу, что это Отшельник. Но почему ты решила, что человек умер в закрытом помещении?

Ника вновь посмотрела на карту. На потемневшем от времени картоне был изображен старик в длинном плаще. Склонив голову, он стоял в одиночестве, опираясь на посох, а в поднятой руке держал небольшой фонарь. Его тусклый свет выхватывал из темноты лишь лицо и несколько камней под ногами. Все остальное растворялось в густой черной мгле.

— Отшельник — карта одиночества, отстраненности и добровольного ухода от людей, — тихо объяснила она. —

Обычно его изображают на вершине горы. Перед ним открыто пространство, пусть он и идет по нему один. Но здесь все иначе.

Ника раздвинула изображение пальцами, увеличивая рисунок.

— Посмотри внимательнее. За его спиной нет ни неба, ни горизонта. Только темные стены. Они будто сходятся вокруг него. Свет фонаря никуда не проникает, словно ему некуда рассеиваться. Этот человек не ушел от мира сам. Его от него отрезали.

Ярослав нахмурился и подался вперед, пытаясь увидеть в рисунке то же, что и сестра. Они смотрели на одну фотографию, но замечали совершенно разные вещи.

— Все равно это только твое толкование, — пробурчал он.

— Было бы только толкованием, я бы сказала, что погибший умер в одиночестве, — ответила Ника. — Но карта показала мне больше. Металлическую дверь. Желтый свет под потолком. Спертый воздух. И человека, который понял: сколько ни зови на помощь, никто не услышит.

Она подняла глаза и заметила растерянность на лице брата. Ярослав больше не улыбался.

Ника была права. Дверь кабинета действительно была металлической, а звукоизоляция оказалась такой, что даже крик не слышали бы соседи. Домработница нашла хозяина лишь спустя два дня, когда пришла по расписанию. У погибшего не было ни семьи, ни близких друзей, которые на-

чали бы искать его раньше. Последние минуты Реутов провел в одиночестве, в квартире, больше похожей на хорошо защищенное убежище. На первый взгляд его смерть казалась несчастным случаем: упал, ударился головой о край стола и умер. Лишь беспорядок в кабинете напоминал об ограблении.

Ярослав молча провел пальцем по экрану.

— Тогда объясни и это.

На следующей фотографии была изображена Луна, а за ней — Повешенный.

Ника приблизила телефон к лицу и долго всматривалась в изображения. Интуиция настойчиво подсказывала: ничего хорошего эти карты не сулят. Видимо, именно такой поворот и предвещало выпавшее ей Колесо Фортуны. Ника не любила, когда жизнь отклонялась от намеченного пути и сворачивала туда, куда направляла судьба.

— Одно могу сказать точно: карты нарисованы вручную. И, похоже, это не совсем обычная колода.

— Необычная? — переспросил Ярослав.

— Да. Пигмент... — Ника задумалась, подбирая слова. — Станный. Жаль, что я не могу рассмотреть карту вживую.

Ярослав тут же поднялся из-за стола и скрылся в прихожей. Через несколько секунд он вернулся, держа в руке небольшой прозрачный пакет.

— Это улика. Будь осторожна и не доставай ее из пакета. Ты не представляешь, чего мне стоило уговорить начальство

показать карту эксперту.

Он протянул сестре карту Отшельника — ту самую, которую нашли в руке первой жертвы.

Глаза Вероники загорелись. Отложив телефон, она осторожно приняла пакет, словно внутри находилось что-то хрупкое и бесценное. Несколько минут рассматривала карту с обеих сторон, затем сходила в комнату за лупой.

— Первая жертва — Виктор Сергеевич Реутов, пятьдесят два года. Профессор истории, преподавал в университете, консультировал несколько музеев и частных коллекционеров. Жил один в большой квартире на пятнадцатом этаже. Ни жены, ни детей, близких родственников тоже не осталось. Его нашла домработница. Она пришла после выходных и почувствовала неприятный запах. Дверь кабинета была заперта изнутри, поэтому женщина вызвала полицию. Следов взлома не обнаружили.

Ника вспомнила увиденные через карту темные стены, металлическую дверь и тусклый желтый свет. Теперь ощущение замкнутого пространства стало еще сильнее.

— А карта?

— Была зажата в правой руке. Никаких отпечатков, кроме самого Реутова. Поначалу следователь решил, что это личная вещь погибшего. В квартире полно старинных книг, гравюр и антиквариата, поэтому одна карта никого особенно не насторожила.

— Пока не появилась вторая, — тихо произнесла Ника.

— Именно.

Ника молча разглядывала карту.

— Я была права. Краска изготовлена на основе минерального пигмента. И посмотри: на обороте есть почти стертый знак.

Она передала брату лупу. Рисунок был едва заметен, и лишь под увеличительным стеклом удавалось различить отдельные линии.

— Эксперты решили, что это часть узора, — сказал Яр.
— Но такой же знак есть на всех трех картах. Специалисты увеличили изображение и восстановили его с помощью программы.

Он открыл на телефоне фотографии оборотных сторон двух остальных карт. Отложив пакет с уликой, Ника склонилась над экраном.

Рубашка карты была темно-синей, почти черной. По краям тянулся выцветший золотой орнамент из переплетенных ветвей. В центре проступал странный знак: тонкий круг, разомкнутый в верхней части. По внутреннему краю располагались маленькие насечки. Некоторые почти исчезли, но на восстановленном изображении Ника насчитала двадцать две.

Внутри круга находилась узкая арка, похожая на приоткрытую дверь. На ее пороге была изображена крошечная точка. Ника уже видела нечто подобное: такая карта была и у нее самой — наследство от бабушки.

— Это не часть орнамента.

— А что тогда?

— Печать Порога.

— Никогда о такой не слышал.

— И не должен был. Бабушка однажды показывала мне похожий знак в старом каталоге. Круг обозначает замкнутый порядок. Двадцать две насечки — Старшие арканы. Арка в центре — проход между тем, что человек видит, и тем, что от него скрыто.

— А точка?

— Тот, кто стоит перед дверью. Или уже переступил через нее.

Ярослав недоверчиво усмехнулся.

— Очень ободряющее объяснение, особенно если учесть, где нашли эти карты.

— Я и не говорила, что знак добрый.

Ника серьезно посмотрела на брата. Все происходящее ей не нравилось. Хотелось попросить Яра обратиться к другому специалисту и больше не втягивать ее в расследование. Но любопытство уже взяло верх: загадка манила, требуя покопаться до истины.

Она снова всмотрелась в изображение. Верхняя часть круга была разомкнута не из-за повреждения — такой ее сделали намеренно.

— Разрыв означает, что круг можно покинуть, — добавила Ника. — Но только через Порог. Бабушка говорила, что

такой печатью отмечали вещи, которые не должны попадать к случайным владельцам. — Девушка посмотрела на брата. — Яр, эти карты принадлежат клубу «Двадцать второй аркан». Они служат пропусками, доступными только членам клуба.

— А вот отсюда поподробнее. — Ярослав напряженно посмотрел на сестру. Об этом клубе он слышал впервые.

— О клубе мне рассказала бабушка. Туда входят тарологи, медиумы, коллекционеры и исследователи оккультизма. Где им собираться, как не в закрытом клубе? Иногда там проводят аукционы старинных вещей. Я бывала на них несколько раз и даже пару раз участвовала.

— Если эти карты служат пропусками, значит, и у тебя такая есть?

— Ага. — Вероника быстро поднялась из-за стола и вышла из кухни.

Ника отсутствовала не больше двух минут. Карта, доставшаяся ей от бабушки, хранилась в старинной деревянной шкатулке, запертой в небольшом сейфе. Когда-то эта шкатулка стала первой находкой Ники на археологических раскопках. Особой ценности она не представляла, но была бесценна для девушки как память.

Ярослав ждал сестру на кухне, нервно ерзая на стуле. Когда Ника вошла с потертой шкатулкой в руках, он замер и уставился на нее.

— Вот она. — Ника снова опустилась за стол.

Ника поставила шкатулку на стол и открыла крышку. На выцветшей темно-бордовой ткани лежала единственная карта. Девушка осторожно достала ее и протянула брату.

Ярослав взял карту за края. Она была сделана из плотного картона, потемневшего от времени. Золотистая рамка местами стерлась, углы слегка закруглились, однако само изображение сохранилось удивительно хорошо.

На рисунке молодой человек в легкой дорожной одежде стоял у края обрыва. За плечом у него висел небольшой узелок, в одной руке он держал посох, а у ног подпрыгивала белая собака, словно пыталась предупредить хозяина об опасности. Путник смотрел вперед и будто не замечал, что до пропасти ему оставалось сделать всего один шаг.

В верхней части карты стоял ноль, а внизу было написано: «Шут».

Ярослав перевернул ее и замер.

Рубашка оказалась такой же, как у карт, найденных возле убитых: темно-синей, почти черной, с выцветшим золотым орнаментом. В центре находилась знакомая Печать Порога — разомкнутый круг с двадцатью двумя насечками и узкой аркой внутри.

— Она точно из той же колоды, — произнес Яр и кивнул на Отшельника. — И знак такой же. Только на твоей карте он почти не стерся.

Ника забрала карту у брата и внимательно посмотрела на изображенного путника.

— А что означает твоя карта? Это ведь Шут?

— Многие считают Шута картой глупости и безрассудства. Но это слишком простое толкование. Шут — начало пути. Человек оставляет привычную жизнь и делает шаг в неизвестность, не зная, что ждет его впереди.

— То есть он просто безбашенный и не замечает опасности? — усмехнулся Ярослав.

— Возможно, замечает. Но все равно продолжает идти.

— Звучит не особенно разумно.

— Иногда, чтобы изменить судьбу, приходится рискнуть. Шут означает свободу, доверие миру и новые возможности. Но у него есть и темная сторона: наивность, беспечность, нежелание видеть опасность.

На кухне ненадолго воцарилась тишина. Ярослав перевел взгляд на Отшельника, затем снова посмотрел на карту в руках сестры. Его что-то смущало. Через несколько секунд он указал на цифру в верхней части рисунка.

— Почему ноль? У Отшельника девятка.

— Потому что Шут не имеет постоянного места. Он может стоять перед первым арканом или после последнего. Он одновременно начало и конец путешествия.

— Но Старших арканов двадцать два?

Живя в семье, где женщины гадали на Таро и обладали даром, Ярослав поневоле кое-что запомнил.

— Да. От нулевого до двадцать первого. Шут словно проходит через все остальные карты, проживая судьбу каждой

из них.

Ярослав перевернул карту и снова рассмотрел Печать Порога.

— Тогда получается, это и есть двадцать вторая карта?

— Скорее, карта, которая соединяет все остальные. Без нее колода считается неполной.

— А клуб называется «Двадцать второй аркан».

— Именно.

Ярослав нахмурился.

— На совпадение не похоже.

— Я тоже так думаю.

— В обычные дни в клуб проходят только владельцы таких карт. Большинство пропусков передаются в семьях из поколения в поколение. На открытие сезона член клуба может привести одного гостя, но отвечает за него лично. Чтобы стать полноправным участником без наследной карты, нужны рекомендации как минимум трех членов клуба.

— А если человек потеряет карту?

— Тогда перестанет быть членом клуба. Новых пропусков там не выдают.

— И сколько раз ты туда ходила?

— Несколько. В основном на закрытые аукционы. Там проводят спиритические сеансы и другие мероприятия, но меня это никогда не интересовало.

Ярослав задумался. На его лбу пролегла глубокая складка.

— Не припомню, чтобы бабушка или мама посещали по-

добные места.

В детстве они с сестрой часто проводили время в бабушкиной лавке и помогали ей. Бабушка учила их гадать на Таро. В основном занятия предназначались Нике, но Яру тоже хотелось понять, как все устроено. Он старался, сердился, завидовал старшей сестре, у которой получалось гораздо лучше. Тогда бабушка и мать объясняли ему, что для карт нужен особый дар. А его дар, по их словам, заключался в другом: Ярослав был защитником. Возможно, именно поэтому впоследствии он выбрал службу в полиции.

— Бабушка просила никому не показывать Шута без необходимости, — сказала Ника. — Даже мама об этой карте не знала.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Бабушка не вдавалась в подробности.

— Не поверю, что ты не расспрашивала ее. С твоим-то любопытством.

Ника насупилась.

— Я была ребенком и многого не понимала. Думала, что она, как обычно, говорит загадками.

Ярослав положил Шута рядом с Отшельником.

Даже при беглом взгляде было ясно, что карты принадлежат одной колоде. Одинаковый плотный картон, похожие краски, золотистая рамка и Печать Порога на обороте. Только Шут сохранился гораздо лучше, словно время почти не

коснулось его.

— Значит, у нас есть три карты, найденные возле убитых, и четвертая, которая много лет хранилась у нашей бабушки, — подвел итог Ярослав.

— И все они связаны с закрытым клубом. — Ника взяла телефон брата и снова открыла фотографию Луны.

Огромная бледная луна висела над черной водой между двумя каменными башнями. На противоположных берегах сидели собака и волк, задрав морды к небу. Из воды выползло существо, похожее на рака.

— Луна, — задумчиво произнесла Ника.

— Что она означает?

— Тайны, страхи, обман. Все, что человек не способен разглядеть ясно. Луна не освещает путь — она искажает его. Под ее светом знакомые вещи кажутся чужими, а выдумка становится похожей на правду.

На первый взгляд карта выглядела почти обычной. Однако вместо тропы, которая должна была проходить между башнями, художник изобразил узкую полосу воды. Она тянулась от нижнего края карты к самому горизонту. Собака и волк смотрели не на луну, а вниз, словно следили за чем-то под поверхностью.

От долгого взгляда изображение начало расплываться. Ника почувствовала холод — сначала в пальцах, затем в груди. На мгновение ей показалось, что кухня исчезла. Зрение расфокусировалось.

Вокруг была вода.

Кто-то пытался подняться на поверхность, но тело не слушалось. Над головой дрожал бледный круг света. Рядом раздался женский голос, однако слов Ника не разобрала.

Она резко вдохнула и часто заморгала. На мгновение захотелось отбросить телефон, но Ника подавила порыв и осторожно положила его на стол.

— Вторая погибшая — женщина, — охрипшим голосом произнесла она.

Девушка потянулась за стаканом и сделала несколько поспешных глотков воды. Ярослав побледнел. Он понимал, что сейчас произошло. С детства он помнил, как бабушка, прикоснувшись к вещи, могла рассказать о владельце или предсказать по картам грядущие события. Подобное случалось и с его сестрой. Яр не понимал, как работает ее дар, но Ника почти всегда попадала в точку.

— Ее нашли в воде, — продолжила Ника. — Ночью или в темном помещении, где единственный свет падал сверху. Она утонула не случайно. Перед смертью была дезориентирована. Возможно, ей дали лекарство или что-то подмешали.

— Почему ты так решила? — Яр пристально всматривался в лицо сестры.

— Она понимала, что происходит, но не могла заставить тело двигаться.

Ярослав откинулся на спинку стула.

— Ирине Павловне Волковой было тридцать шесть лет.

Она работала анестезиологом в частной клинике. В тот вечер задержалась после смены, а утром уборщица обнаружила ее тело на дне бассейна. Одежда и личные вещи остались в раздевалке. Сначала решили, что женщине стало плохо во время плавания, но токсикологическая экспертиза выявила сильное успокоительное. Доза была недостаточной для смерти, зато почти лишила ее возможности двигаться.

— Значит, ее бросили в воду живой.

Ярослав нехотя кивнул.

— Камеры в коридоре перед бассейном отключились примерно на двадцать минут. Когда запись восстановилась, в помещении уже никого не было. Ни следов борьбы, ни чужих отпечатков. Карта Луны плавала на поверхности рядом с телом.

— Подожди. — Ника нахмурилась, вспоминая фотографию. — Бумага не размокла?

— Нет.

— Совсем?

— Эксперты тоже не смогли этого объяснить. Карта провела в воде несколько часов, но не испортилась. Краска не потекла, картон даже не разбух.

Вероника посмотрела на Отшельника, лежавшего в прозрачном пакете.

— Значит, материал чем-то пропитан.

— Так и написали в заключении: плотный картон со специальной пропиткой.

Ника осторожно подняла пакет и снова внимательно всмотрелась в карту.

— Как бы там ни было, на обычной фабрике их точно не печатали.

На несколько мгновений на кухне повисла тишина. Первым заговорил Яр.

— Знаешь, терпеть не могу эти твои фокусы, — неожиданно сердито сказал он.

Ника вскинула на него злой взгляд.

— Тебе двадцать семь лет. Всю жизнь ты видел, как бабушка и мама владели своим даром, а потом он пробудился и во мне. Бабуля всегда предупреждала тебя, когда чувствовала приближение беды, и ни разу не ошиблась. А ты до сих пор называешь это фокусами?

Ника говорила на одном дыхании. Она тратила силы, пытаясь помочь брату, а он относился к ее дару как к дешевому трюку.

— Тогда зачем ты пришел ко мне?

Ярослав отвел глаза.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть. Меня бесит, что люди умирают, а мы, как слепые котята, тыкаемся из стороны в сторону и не знаем, за что зацепиться. Посмотришь на эту карту?

Он протянул телефон сестре.

На карте был изображен мужчина, подвешенный за одну ногу к деревянной перекладине. Свободная нога была согнута

та, руки заведены за спину. В классической колоде лицо Повешенного обычно оставалось спокойным, почти умиротворенным. Здесь же оно застыло в гримасе боли. Под фигурой темнело несколько неровных пятен.

— Повешенный, — тихо сказала Ника. — Эта карта не об одиночестве. Она означает остановку, жертву, беспомощность. Иногда — добровольный отказ от борьбы ради чего-то большего. Но этот человек не согласился со своей участью.

— Поясни.

— Посмотри на руки. В обычных колодах их часто не видно, словно они свободно лежат за спиной. Здесь запястья стянуты веревкой. И лицо... Повешенный должен взглянуть на мир иначе, увидеть то, чего прежде не замечал. Этот же смотрит на того, кто его мучает.

Ника коснулась экрана, и перед глазами вспыхнуло чужое воспоминание.

Деревянные балки под потолком. Резкий запах растворителя. Вербка врезается в кожу. Кровь приливает к голове, в ушах грохочет пульс. Где-то рядом медленно скрипят шаги.

А затем — три коротких металлических щелчка.

Щелк. Щелк. Щелк.

Ника отдернула руку.

— Его подвесили в мастерской. Он был жив, когда это сделали. Руки связали за спиной. Там пахло краской или растворителем.

Ярослав побледнел еще сильнее.

— Павел Коренев был реставратором. Его нашли в собственной мастерской, подвешенным к потолочной балке. Ему было тридцать семь лет. Он работал в основном с картинами и старинной мебелью, а мастерская находилась в бывшем промышленном здании. Когда Коренева обнаружили, его руки были связаны за спиной. Судя по следам на запястьях, он долго пытался освободиться, а потом потерял сознание.

— От чего он умер?

— Судмедэксперт указал сразу несколько причин: тяжелую травму головы и длительное пребывание в таком положении. Перед тем как подвесить Коренева, его сильно ударили. Но какое-то время он оставался в сознании.

Ника поежилась, вспомнив грохочущий пульс, запах растворителя и медленный скрип шагов.

— Он видел убийцу.

— Скорее всего. Из мастерской ничего не пропало. Дорогие картины, инструменты, наличные — все осталось на месте. Следов взлома тоже нет. Коренев либо сам открыл дверь, либо не запер ее перед приходом убийцы.

— А карта?

— Лежала на полу прямо под ним. Лицевой стороной вверх.

Перед мысленным взором Ники снова возник Повешенный с искаженным от боли лицом.

— Яр?

— М-м?

— Знаешь, эти карты очень старые, но сразу видно, что их берегли. На первый взгляд я бы дала им около двухсот лет. Вот если бы ты позволил мне как следует их изучить...

— Нет, — тут же отрезал Ярослав. — Мне голову оторвут, если я передам вещественное доказательство третьему лицу.

— Как хочешь. — Ника прикусила губу.

Когда с ужином было покончено, Ника убрала грязные тарелки в посудомоечную машину, заварила чай и поставила на стол пиалу с ежевичным вареньем и тарелку с сушками. Ярослав все это время молчал, мысленно возвращаясь к расследованию.

— Я все никак не пойму, в чем логика, — раздраженно произнес он. — Реутов — профессор, Волкова — врач, Коренев — реставратор. Они жили в разных районах, не созванивались и не переводили друг другу деньги. У них нет общих родственников, друзей или мест работы.

— Общие мероприятия? Выставки, конференции, благотворительные вечера?

— Проверяли. Ничего.

— Социальные сети?

— Реутов ими почти не пользовался. Коренев выкладывал фотографии своих работ. У Волковой была закрытая страница. В подписчиках друг у друга они не числились.

— Они могли познакомиться давно.

— Могли. Только пока мы не нашли ни одной фотогра-

фии, документа или свидетеля, которые это подтвердили бы.

Ника задумчиво постучала пальцем по краю стола.

— Значит, вы ищете связь в их настоящем.

— А где еще ее искать?

— В прошлом.

Ярослав внимательно посмотрел на сестру.

— Почему ты так решила?

— Потому что карты старые. Человек, который их оставляет, не купил колоду вчера в сувенирной лавке. Он достал ее из места, где она хранилась много лет. Если жертвы связаны с этими картами, то и их общая история могла начаться задолго до первого убийства.

— Насколько давно?

Ника взглянула на почти стертую Печать Порога на обороте Отшельника.

— Не знаю. Но точно раньше, чем произошло первое убийство.

Ярослав помолчал, а затем произнес:

— Мне нужно попасть в этот клуб.

— У тебя не выйдет: карты нет. А у меня есть. Значит, пойду я. — Ника широко улыбнулась.

— Мы пойдем вместе, — строго отрезал брат, и улыбка сошла с лица девушки.

Ника удивленно приподняла бровь.

— Кто сказал, что я возьму тебя с собой?

— Здравый смысл. Ты не пойдешь одна в место, которое

может быть связано с тремя убийствами.

— А ты не пройдешь без карты.

— Ты же сказала, что на открытие сезона можно привести гостя.

— Можно. Но если убийца состоит в клубе, он может насторожиться при виде полицейского.

— Он не обязан знать, где я работаю. Представишь меня родственником и коллекционером, который хочет продать семейную вещь.

Ника задумалась. Идея ей не нравилась, но идти в клуб одной хотелось еще меньше.

— Хорошо. Только напоказ никаких карт из дела. Если убийца увидит Отшельника, он сразу поймет, зачем мы пришли.

— Договорились. Когда следующее собрание?

— Через два дня.

— Отлично. Завтра созвонимся и решим, во сколько за тобой заехать.

Ярослав взял карту Отшельника и поднялся из-за стола.

— А сейчас я, пожалуй, поеду домой. Спасибо за ужин.

— Не так быстро. Надеюсь, у тебя есть классический костюм?

— Костюм? Зачем?

Ника выразительно обвела взглядом его потертые темно-синие джинсы и черный свитер.

— В таком виде тебя не пустят. Там строгий вечерний

дресс-код.

— Шутишь?

— Даже не думаю.

Она прекрасно знала, что брат терпеть не может костюмы и галстуки.

Ярослав раздраженно выдохнул.

— Ради такого случая найду.

— Вот и ладно.

Проводив брата, Ника вернулась на кухню и убрала со стола. Шута снова положила в шкатулку, а шкатулку заперла в сейфе. Затем быстро приняла горячий душ и легла спать.

Ника прекрасно понимала, что спит. И все же происходящее ощущалось пугающе реальным. Она чувствовала затхлый запах старой бумаги, пыли и темного дерева — так пахнут в архивах и музейных хранилищах.

Комнату она никогда прежде не видела, но почему-то сразу поняла: это кабинет Виктора Реутова, первой жертвы.

Ника медленно обернулась, рассматривая полутемное помещение, освещенное лишь настольной лампой. Справа от двери возвышался массивный книжный стеллаж из темного дерева. Левая стена была увешана старинными картинами в тяжелых рамах. За окном лежала непроглядная ночь.

Она вздрогнула, когда сквозь нее, словно сквозь призрак, прошел мужчина. Это был Реутов. По его походке было видно, что ноги причиняют ему боль. Он медленно дошел

до письменного стола и опустился в глубокое кресло. С губ сорвался облегченный вздох.

Только теперь Ника заметила распечатки каких-то записей, которые он принес с собой. Реутов положил их на стол, раскрыл и вчитался в первые строки.

Любопытство пересилило осторожность. Ника подошла ближе и наклонилась, пытаясь разобрать выцветшие записи. В этот момент мужчина резко поднял голову и посмотрел прямо сквозь нее.

Девушка отшатнулась. На мгновение ей показалось, что он видит ее. Но тут она вспомнила: Реутов мертв, а происходящее, скорее всего, чужое воспоминание, передавшееся ей через карту Отшельника.

Видение дрогнуло и перескочило, соединяя два разных момента.

Мужчина заговорил.

— Я должен, — прошептал Виктор. — Я не могу больше с этим жить. Хочу наконец облегчить душу.

Незнакомец рассмеялся.

— А ты не подумал, что своим признанием погубишь несколько жизней?

— Что? Я не... — Реутов замотал головой.

— С кем ты об этом говорил? Кто еще согласился признаться? И где дневник?

— Какой дневник? — На мгновение на лице Виктора промелькнуло недоумение, тут же сменившееся пониманием.

— Вижу, ты понял, о каком дневнике речь. — Губы незнакомца растянулись в улыбке.

— Я его не брал. Он не у меня. Клянусь, не у меня.

Из темноты донеслись три коротких металлических щелчка.

Щелк. Щелк. Щелк.

По коже пробежал холод.

Ника резко проснулась и села в кровати, тяжело дыша. Сердце колотилось так сильно, что удары отдавались в горле.

В комнате было непривычно холодно, будто кто-то распахнул окно и впустил внутрь ледяной ветер. Ника кожей ощущала чужое присутствие.

С трудом сглотнув вязкий ком в горле, Ника выбралась из постели. Она мысленно отругала себя за то, что до сих пор не купила ночник. До выключателя пришлось идти через всю комнату в кромешной темноте.

Когда она наконец нажала выключатель, спальню залил яркий свет.

Никого.

Ника проверила квартиру, заглянула даже в ванную и кладовку. Входная дверь была заперта изнутри, окна закрыты. Никаких следов чужого присутствия. И все же тревожное ощущение не исчезало.

Вернувшись в спальню, она уже хотела погасить свет — на часах было всего четыре утра, — но ее взгляд остановился на сейфе, стоявшем на одной из полок стеллажа.

Дверца была открыта.

Замирая от страха, Ника подошла ближе и заглянула внутрь. Сердце ухнуло вниз.

На крышке шкатулки лежала карта Шута.

У девушки похолодели пальцы. После ухода Ярослава она собственноручно убрала карту в шкатулку, поставила ее в сейф и заперла дверцу. Это Ника помнила совершенно точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.